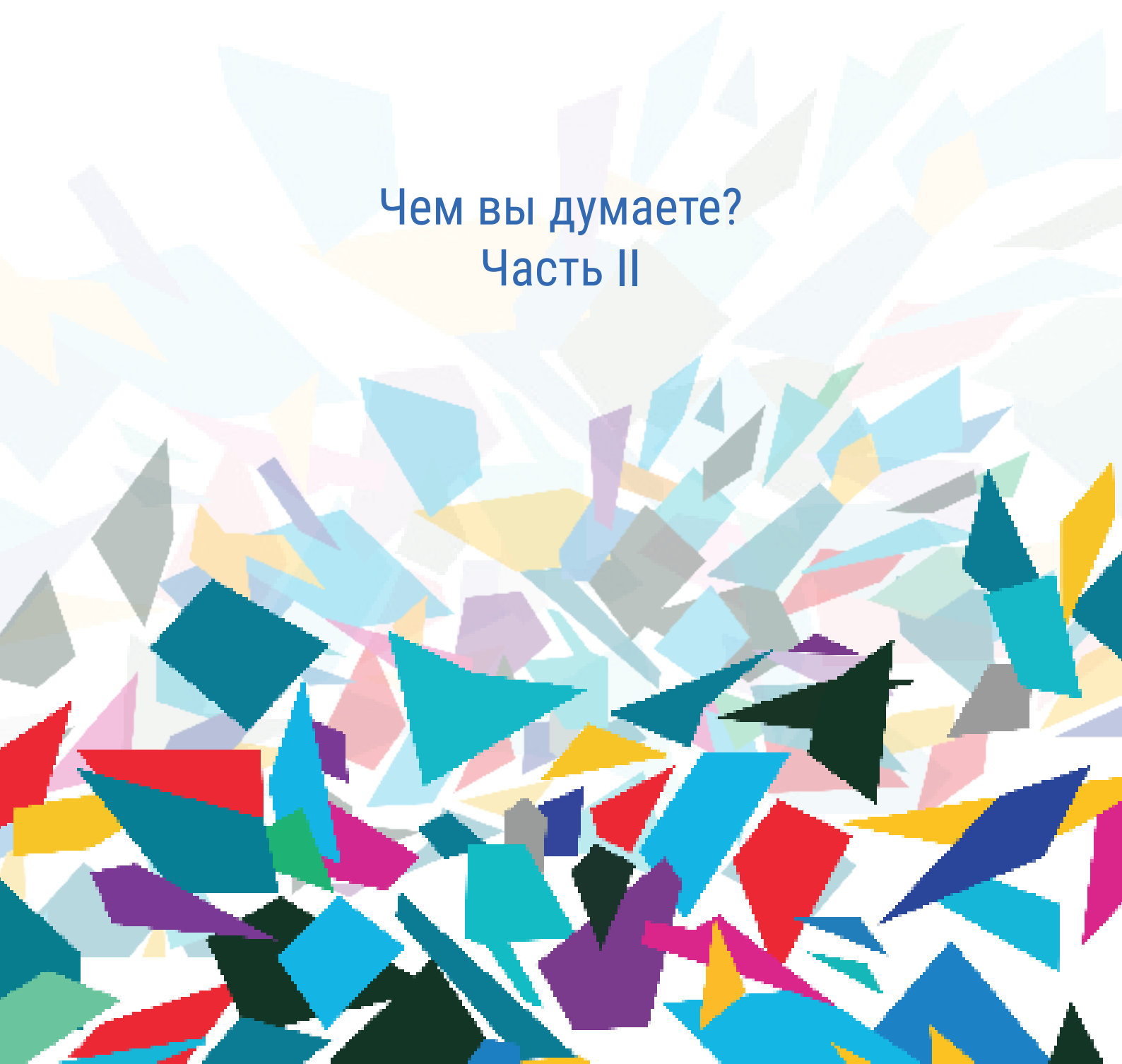

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Чем вы думаете?
Часть II

В главе о мыслекоте Стивен Пинкер делает обзор различных подходов к этой проблеме. Ключевым тезисом, конечно, является гипотеза Сепира-Уорфа. Она состоит в том, что наше мышление целиком и полностью выражается словами и зависит от тех слов, которыми мы владеем. И философские категории, и обыденные понятия – все это реализуется в словах. Стивен Пинкер опровергает эту позицию и приводит для этого различные аргументы.

Но нужно сказать, что Эдвард Сепир и Бенджамин Уорф никогда не работали вместе. И тот, и другой являются выходцами из школы антрополога Франца Боаса. Франц Боас – американец немецкого происхождения. Он мыслил в понятиях приоритета языка над мышлением. Наверное, это характерно как раз для тех культур, которые находятся на стадии консолидации, нациостроительства. Ведь немецкая философская школа и немецкая лингвистическая школа сформировались в период, когда сформировалась немецкая нация. А это произошло довольно поздно, в XIX веке, когда образовалось единое немецкое государство на основе прусской культуры, которая впитала в себя Баварский, Швабский, Тюрингский и многие другие диалекты.

Само понятие нации появилось в конце XVIII века, в период Французской революции. Первое научное определение нации дал французский философ Эрнест Ренан. Когда он говорил о том, что нация – это ежедневный плебисцит о совместном проживании людей вместе, Ренан имел в виду революционный порыв, который произошел в 1789 году, когда французский народ и французская буржуазия под нацией понимали только революционный народ, тот народ, который разделял революционную идею. Лозунг «Нация в опасности» был обращен только к революционному народу, против тех, от кого исходила опасность, а опасность исходила от французов же, от людей, говорящих на французском языке, но занимавших совершенно другую социальную позицию. Роялистов и клерикалов, духовенства и всей аристократии.

С самого начала понятие «нация» исключало людей, которые не разделяют революционную идею. Поэтому Ренановское понимание нации – это прежде всего идея. Люди, которые придерживаются одной идеи, это и есть нация, а нация – это идея, которая выражается в языке. Об этом Стивен Пинкер умалчивает. Он вообще не рассматривает аргументацию в рамках культурно-философского и культурно-политического аспекта. Хотя в других местах он к таким рассуждениям прибегает довольно часто.

Есть еще одно понимание нации, которое стоит упомянуть, хотя оно не имеет отношения к теме нашего разговора. Но поскольку Франц Боас – учитель и Эдварда Сепира, и Бенджамин Уорфа, он знает и определение Фридриха Ратцеля, которое прозвучало в середине XIX века, в период формирования единой немецкой нации. «Нация – это народ, способный к самоуправлению». Но почему-то не Франц Боас, не Сепир и даже не Пинкер не говорят о том, что способность государства управлять народом в конечном счете опирается в идею как образ будущего. В какой форме этот образ будущего создается? Этот образ будущего создается в понятиях, в словах. И выражается словами. Так что здесь существуют проблемы, которые весьма актуальны для нациостроительства и у нас в Казахстане, именно для формирования единой казахстанской нации вокруг какой-то идеи.

О чем дальше рассуждает Стивен Пинкер? Он переходит в анализ базовых выражений через слова и лучшим, безусловно, способом в языке для этого является обозначение цвета. Мы уже говорили об этом.

Пинкер приводит исследования психолога Элеоноры Рош, которая изучала представитель культур, в языке которых нет большой дифференциации по цветовой гамме. Например, представители народа Дании куда быстрее постигали значения новой цветовой категории, если в ее основе лежал огненно-красный цвет, а красный неясного оттенка. То, как мы видим цвета, определяет способность постигать слова для их обозначения, а не наоборот.

Здесь стоит сказать, что обозначения цвета в разных языках – это очень интересная тема.

Ньютон вывел единый спектр для всех, это физическое явление. Но действительно ли белый свет, преломленный через прозрачную призму, раскладывается на семь цветов?

Многие серьезные ученые усматривают в этом вселенскую гармонию. Говорят, что существует семь музыкальных нот и семь цветов в мире. На самом деле, в английском языке нет понятия «голубой». Есть понятие blue – «синий», и нет цвета «оранжевый». Есть yellow – «желтый», есть red – «красный». Оранжевый (orange), переходный цвет между красным и желтым, появился гораздо позже. Только когда в Европе появились фрукты, привезенные из

Юго-восточной Азии. Они носили название оранж, по имени принца Оранского, который завез их. Нет в английском языке и слова violet – «фиолетовый». Потому что этот цвет (от цветка фиалки) был заимствован из французского языка. Таким образом, мы можем говорить, что в английском языке изначально существовало только четыре названия цвета: blue, red, yellow, green.

Пинкер и сам достаточно саркастически говорит о том, что у эскимосов существует очень много названий белого цвета (мы с вами уже говорили об этом). Не знаю, насколько это достоверно, но Пинкер прослеживает историю возникновения «утки», как он ее называет. Одна из этнографов, которая была на севере Канады, ознакомилась с культурой эскимосов. И в переписке с кем-то из коллег упомянула о том, что у эскимосов есть четыре категории для обозначения состояния снега. А ее собеседник несколько преувеличил и сказал, что у эскимосов с десятком обозначений белого цвета. А в силу внутрисполитической и социальной конъюнктуры этот миф стал увеличиваться. Однако северные народы на самом деле различают очень много оттенков белого цвета. И это обусловлено их жизненной необходимостью. Им нужно умение передавать состояние погоды, состояние пастбищ. Чтобы предугадывать, куда отгонять стадо оленей. И это связано с погодными условиями, которые влияют на оттенок цвета снежного покрова.

Если оставить такие частности, нельзя не согласиться с Пинкером, когда он говорит, что мы мыслим не словами, а некими мыслекодами. Стивен Пинкер приводит очень интересную метафору: «Слова шумят и лезут на страницы для всеуслышания и всеобщего обозрения. Мысли же заперты в голове у того, кто думает. Чтобы узнать чужие помыслы или обсудить природу мышления, мы должны воспользоваться словами. Чем же еще? Поэтому людей можно простить за переоценку роли языка».

Здесь он ссылается на детского психолога Карен Уинн, которая в начале 90-х годов экспериментально доказала, что младенцы, не владея словами, не зная счет, все-таки уже могут считать до 5. И делают это чисто визуально, зрительно.

Когда перед глазами малышей клали два предмета, они некоторое время проявляли интерес. Когда интерес угасал, исследователи добавляли еще один предмет. У младенцев вдруг снова появлялся интерес. Это означает, что они видели разницу. Когда они привыкали видеть три одинаковых предмета, ученые добавляли еще один. И дети вновь прекрасно видели разницу. Но достаточен ли этот эксперимент для того, чтобы сделать вывод, что младенцы умеют считать? Возможно, они реагируют на образ предметов, но вряд ли на основании этого можно сделать вывод, что они знают, что такое 4, 5, 2 или 3.

Какой вывод в конечном итоге делает Стивен Пинкер о связях между языком и мышлением? Во-первых, образ не обязательно должен выглядеть как написанная фраза на том или ином языке. С этим можно согласиться. Но Пинкер сам выдвигает проблемы, которые возникают при установлении связи между языком и мышлением.

Первая проблема – это неоднозначность, или, как говорят лингвисты, полисемичность слов. Ни в одном языке нет ни одного слова, которое несло бы в себе только одно значение. Все слова полисемичны. Это первая проблема – двусмысленность или многозначность слова. В качестве более яркого и понятного примера можно привести слово «стол». В русском языке стол – это предмет мебели. Но это слово обозначает и пищу, которая есть на этом столе. «Где под каждым ей кустом был накрыт и дом, и стол». Стол может означать должность. Стол начальника. Престол – первый стол.

О полисемичности хорошо писал известный итальянский автор Джанни Родари. Кроме того, что он написал потрясающие книги («Приключения Чиполлино», «Джельсомино в Стране лжецов»), он был учителем в маленькой итальянской школе. Родари считал, что каждое слово похоже на камень, брошенный в воду. Камень уходит на дно, а на поверхности водоема расходятся волны. И эти волны – это волны смысла, которые вызывает брошенное слово. И это действительно так. Иначе люди бы понимали друг друга однозначно. Но при общении у каждого из нас возникает масса ассоциаций.

Следующая проблема, которую Пинкер отмечает в английском языке – это отсутствие в нем логической ясности. Говорящий строит высказывание и оформляет его в предложение, совершенно не следуя формальной логике, полагаясь на то, что собеседник понимает его, следуя контекстуальной логике. И это так.

Еще одна сложность (которую видит Стивен Пинкер и обозначает ее введенным им понятием) – это кореферентность. Скажем, вы начинаете говорить о каком-то человеке. «Высокий блондин в черном ботинке». В следующей фразе вы уже можете сказать: «Блондин в черном ботинке». В третьей фразе мы обычно говорим просто «Блондин», а в четвертой вообще – «Он». Потому что мы уже понимаем, что наши собеседники реферируют подлежащее именно с этим «высоким блондином в черном ботинке». Что-то в нашем мозге должно трактовать эти выражения как тождественные. А вот сам по себе английский язык этого не делает, считает Пинкер.

Четвертая проблема, которую поднимает Пинкер в отношении языка и мышления, это дейксис, контекстуальность. Это особенно касается аналитических языков, где большую роль играют артикли. В частности, определенный или неопределенный артикль в английском или во французском языке.

Возьмем для примера фразу «Samedi je vais visiter Dimanche». Когда мы говорим без артикля для франкоговорящего понятно, что именно в эту субботу я иду посетить мадам Диманш. А фраза с неопределенным артиклем «En samedi nous allons visiter Dimanche» имеет совершенно другой контекст. «Как-нибудь в субботу мы пойдем в гости к мадам Диманш». Определенный артикль «Le samedi nous allons visiter Dimanche» придает смысл «Каждую субботу мы ходим в гости к Диманш». Контекстуальность – особый признак политических языков. И Пинкер, являясь выходцем из Квебека, франкоязычной Канады, безусловно, очень тонко чувствует это.

Он поднимает еще и пятую проблему, которая ставит под вопрос гипотезу Сепира-Уорфа. Это синонимичность. Синонимы передают одну и ту же мысль совершенно различными формами. И это позволяет Пинкеру утверждать, что идея первична, а слова – всего лишь средства выражения этой мысли.

Все эти проблемы Стивен Пинкер сводит к следующему выводу: «Все приведенные примеры, а их может быть гораздо больше, иллюстрируют единственное важное положение: образы, лежащие в основе мышления (с одной стороны) и предложения в языке (с другой стороны) действуют во многом друг другу наперекор. Любая определенная мысль в нашей голове заключает в себе огромный объем информации, но когда дело доходит до передачи мысли кому – то другому, объем внимания сразу становится незначительным, а язык медлительным. И поэтому в итоге нам представляется следующая картина. Люди думают не на английском, китайском или языке апачи, они думают на мыслекоде. Этот мыслекод, вероятно похож на все упомянутые выше языки. Предположительно, он располагает символами для выражения понятий и комбинациями символов. Похоже, что знание языка означает знание того, что можно перевести мыслекод в словесные цепочки. И наоборот».

Вот так Пинкер заканчивает свое рассуждение о соотношении языка и мышления. Он делает вывод о том, что в основе этой связи лежит мыслекод. Это действительно новое слово в науке открывает новые возможности, но, безусловно, требует дополнительной аргументации и доказательств.